

О терминах *семиотика, информация, коммуникация, знак, язык*

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается употребление терминов «семиотика», «информация», «коммуникация», «знак», «язык». Автор показывает, как эти термины трактуются разными учеными.

Ключевые слова: семиотика, информация, коммуникация, знак, язык.

Идея написания этой статьи возникла после прочтения интересной, заставляющей задуматься, книги Н.Б. Мечковской «Семиотика: Язык. Природа. Культура» [1]. Однако статья вовсе не является рецензией на данную книгу. Это размышления, которые возникли в мысленной полемике с автором этой книги и другими авторами.

В книге Н.Б. Мечковской излагаются основные положения семиотики – науки о знаковых системах. Здесь немало интересных идей:

– о самодостаточности письменной формы языка (существует и противоположная точка зрения) [С. 117];

– о необходимости одно-однозначных взаимоотношений между означаемым и означающим (Н.Б. Мечковская употребляет другие термины) в знаковых системах и о принципиальной невозможности (да и ненужности!) одно-однозначных взаимоотношений в естественном языке, т.е. неизбежности омонимии и синонимии [С. 214];

– о метаязыковой рефлексии и особенно о метаязыковом назначении вводных клише типа «как говорится», «извините за выражение», «по правде сказать» и т.д. [С. 242].

О достоинствах книги можно было бы сказать еще немало. Но всегда конструктивнее говорить о том, что вызывает возражения. На этом и остановимся.

Начнем с названия книги «Семиотика: Язык. Природа. Культура». Что такое семиотика? Вроде бы, наука о знаковых системах. И автор в первом параграфе «Предмет семиотики. Знаковая природа информации», который является установочным для всей книги, пишет: «Семиотика... изучает знаки и знаковые системы как средства хранения, передачи и переработки информации в человеческом обществе, в природе и в самом человеке» [С. 6]. То есть семиотика – это наука, а ее предмет – знаки и

знаковые системы. И тут же, как бы между прочим, автор добавляет: «Термин СЕМИОТИКА помимо значения “наука о знаках и знаковых системах” метонимически употребляется также в значении “знаковая система” (например, биологические семиотики, семиотика бессознательного, ритуальная семиотика, семиотика сцены, картографическая семиотика, искусственные семиотики и т.п.)» [Там же]. Как видим, здесь налицо смешение науки и ее предмета. Например, есть литература и есть наука о ней – литературоведение, существует язык и существует наука о нем – языкознание, есть психика и существует наука о ней – психология, существует общество, социум, и наука о нем – социология и т.д. И это принципиально разные вещи.

Если же предметом является некая практическая деятельность, то должны четко различаться сама деятельность и ее теоретическое осмысление. Например, довольно давно существовало библиотечное дело (предмет), его теоретическое осмысление содержалось как бы внутри него, затем оно выделилось. И появилось библиотековедение (наука). Существовала библиография и библиографическая деятельность (предмет), затем выделилось библиографоведение (наука). Те, кому термин «наука» применительно к библиотековедению и библиографоведению кажется чересчур серьезным, могут заменить его на «теория» – важно лишь, чтобы практика и теория рассматривались как разные вещи.

Вернемся к термину *семиотика*. Заметим, что в одном предложении этот термин употребляется в обоих значениях: «В семиотике (науке. – *Е.Р.*) характеристика функций той или иной знаковой системы выступает как развитие характеристики ее плана содержания, поскольку функции – это не что иное, как реализация семантических возможностей семиотики (знаковой системы. – *Е.Р.*) в процессах коммуникации» [С. 226]. Перед читателем стоит нелегкая задача: каждый раз разобраться, в каком значении автор употребляет термин *семиотика*.

К сожалению, нет ясности и с другими важнейшими для книги понятиями – *знак, информация, коммуникация, язык*. Они понимаются весьма расширительно, что является довольно распространенным явлением. И не только в отношении этих понятий.

Раньше, например, *экология* понималась как наука об окружающей среде. Теперь встречаются такие словосочетания, как «экология языка», «экология культуры», даже «экология души» и т.д. Это что – расширение понятия? Нет, это его девальвация, ведущая к полной десемантизованности (удачное выражение, употребленное Н.Б. Мечковской по отношению к понятию *функция* [С. 225]). Теперь экология – это все и ничего. То же мы наблюдаем и в отношении перечисленных понятий.

Начнем с понятия *информация*. Определения ему не существует. В.А. Звегинцев пришел к выводу: «...не следует думать, что понятие информации (как и знаний) имеет четкое и однозначное определение»

[2. С. 43]. Для информатики, семиотики, теории коммуникации это такое же аксиоматическое, неопределяемое понятие, как «точка» и «прямая» для геометрии. Но на интуитивном уровне нам понятно, что информация – это то, что сообщается. И сама Н.Б. Мечковская удачно формулирует: «Информация – это все, что можно так или иначе сообщить, передать» [С. 9]. И тут же добавляет: «Таким образом, все, что люди сообщают друг другу (намеренно или *непроизвольно*, машинально) – ... это ИНФОРМАЦИЯ» (Курсив мой. – Е.Р.). Нет, информация – это то, что передают намеренно, а не произвольно. И закушенная губа, помрачневший взгляд, покраснение (примеры, приводимые Н.Б. Мечковской [С. 8]) – это не информация, которую один человек передает другому. Это произвольные признаки, на основе которых наблюдающий делает свои умозаключения (в данном случае – что связанные с вопросом обстоятельства эмоционально значимы для человека).

В последнее время в ходу термин «генетическая информация». Когда-то это было метафорой. Но потом ее стали понимать буквально. (Вообще, буквальное понимание метафоры, увы, очень распространено; об этом, в частности, писали А.Н. Портнов [3] и А.А. Залевская [4].) И в книге Н.Б. Мечковской читаем: «Носителем генетической информации являются полимерные молекулы нуклеиновых кислот (ДНК), входящие в хромосомы клеточного ядра. Наследственность обеспечивается “записью”, “сообщением” наследственной информации с помощью своеобразного химического “алфавита”» [С. 11]. Казалось бы, все эти многочисленные (и нужные!) кавычки должны подтолкнуть автора к тому, чтобы взять в кавычки слово *информация*. Но этого не происходит, и вывод делается противоречащий всем этим справедливым кавычкам: «Глубинные механизмы наследственности также имеют информационно-знаковую природу» [Там же]. Так же, как с экологией, получается, что информация – это все и ничего! Понятие не расширилось, а десемантизировалось. То же произошло и с понятием *коммуникация*.

Что такое коммуникация? Разные специалисты понимают этот термин по-разному. Одни считают термины «коммуникация», «общение», «взаимодействие» синонимами, другие – нет.

На наш взгляд, *коммуникация* – это то, что связано с передачей информации (не в расширенном смысле) при наличии обратной связи. Например, разговор двух людей – это классический пример коммуникации: есть и передача информации, и обратная связь. Между тем, автор считает, что коммуникация может быть без обратной связи, например, слизывание пчелами маточного вещества у пчелиной матки, выделение феромонов муравьями, биокommunikация на уровне ДНК и генов, то, что происходит внутри организма [С. 9–12]. Здесь имеет место передача информации, понимаемой сверхшироко!

Так же сверхшироко трактуется и понятие *знак*.

Надо отметить, что *знак* – это весьма расплывчатое понятие, определяемое разными специалистами по-разному. Так, Б.В. Якушин справедливо отмечал: «...сами эти понятия (“информация” и “знак”. – *Е.Р.*) крайне расплывчаты и их определения разноречивы» [5]. А.Ф. Лосев шел еще дальше, утверждая: «Может быть, только обыватель продолжает понимать, а специалисты уже давно утратили точное и единообразное понятие знака, в результате чего возникают споры в тех областях науки, которые раньше считались самоочевидными» [6].

На наш взгляд, *знак* – это нечто, имеющее план выражения и план содержания (при достижении взаимно-однозначного соответствия между планом выражения и планом содержания, т.е. при отсутствии того, что в естественном языке называется «синонимией и «омонимией») и используемое для намеренной передачи информации (здесь – в прямом смысле – информации) с целью коммуникации между адресантом и адресатом при наличии конвенции (договоренности) о том, что этот *знак* означает.

Рассмотрим в этом плане знаменитый эпизод из романа и фильма «Семнадцать мгновений весны», который, кстати, приводит и Н.Б. Мечковская [С. 209–210]. В данном случае план содержания – провал явки, план выражения – цветочный горшок в окне явочной квартиры в Берне. *Знак* используется для передачи информации от адресанта (группы бернских антифашистов) адресату (доктору Плейшнеру) о том, что явка провалена. Имеет место договоренность: доктора Плейшнера предупредили, что цветочный горшок в окне означает провал (другое дело, что он забыл об этом). Имеет место взаимно-однозначное соответствие между планом содержания и планом выражения: провал явки – цветочный горшок, непровал явки – отсутствие цветочного горшка. Если бы было то, что в естественном языке соответствует омонимии (одна единица плана выражения соответствует двум или более единицам плана содержания, подробнее об этом в [7]), т.е. цветочный горшок обозначал и провал явки, и непровал явки, и синонимии (одна единица плана содержания соответствует двум или более единицам плана выражения), т.е. провал явки обозначался бы и наличием цветочного горшка, и его отсутствием, то такая знаковая система просто никому не была бы нужна.

Рассмотрим теперь, как Н.Б. Мечковская трактует понятия *знак* и *знаковая система*: «Дискуссионный вопрос о том, является ли ситуация знаковой, если отправление информации осуществляется инстинктивно и произвольно (например, путем испускания запаха) и имеет неопределенно-широкую адресацию (к примеру, покраснение с наступлением брачной поры брюшка самца рыбы колюшки адресовано в качестве знака всем самкам в популяции), решается в этой книге положительно (см. п. 2.1.–2.3.), поскольку лучше принять во внимание своеобразие

менее типичных семиотических феноменов, чем искусственно сузить семиотическую панораму мира» [С. 135].

Поскольку пример с самим рыбой колюшки приводится неоднократно, то имеет смысл разобрать его подробнее. В данном случае имеет место взаимно-однозначное соответствие между единицами планами содержания и плана выражения: готовность к размножению строго соответствует покраснению брюшка, и покраснение брюшка строго соответствует готовности к размножению. Но ведь покраснение брюшка происходит инстинктивно, а не с целью передачи информации (понимаемой в нормальном смысле, а не в расширительном). А есть ли тут конвенция? Нет, конечно. Самец колюшки никогда не сообщал самкам, что покраснение его брюшка будет означать его готовность к продолжению рода. Так что же такое покраснение брюшка самца колюшки? Это не знак, а *признак*. Точно так же, как то, что солнце садится в облака – является не знаком, а признаком того, что завтра будет дождливая погода. Люди пришли к этому выводу после тысячелетних наблюдений. Никакой конвенции здесь не было, и природа (адресант) не сообщала людям (адресат), что облака на закате будут означать завтрашнюю дождливую погоду.

Мы считаем, что интенция (намерение) со стороны адресанта обязательна. В этой связи приведем цитату из статьи А.А. Ветрова: «Неинтенциональный языковой знак есть знак, производимый ненамеренно. ...Блестящий образец неинтенциональных языковых знаков – языковые знаки так называемых общественных насекомых (муравьев, пчел и т.д.). Например, совершая танец определенного рода, пчела, возвратившаяся в улей, может информировать других пчел не только о наличии богатого взятка, но и о направлении, в котором надо лететь, и о расстоянии, на каком находится взятка. Танец пчелы – неинтенциональный языковой знак, поскольку он производится произвольно, ненамеренно, без какой-либо сознательной цели» [8]. Но ведь где нет интенции (намерения), нет и знака!

Встречается и совсем крайняя точка зрения: для того, чтобы нечто было знаком, не требуется не только намерение адресанта сообщить нечто, но даже и наличие самого адресанта. Возьмем на себя смелость поспорить с таким общепризнанным авторитетом, как Р.О. Якобсон, который писал, что «знак не нуждается ни в чем, кроме возможности быть интерпретированным, даже при отсутствующем адресанте. Симптомы болезней, таким образом, тоже могут считаться знаками» [9]. Организм ничего не сообщает больному человеку или врачам о болезни, и тем более не было конвенции о том, что, к примеру, пожелтение тела означает, что человек болен гепатитом. Так что симптомы болезней – это не знаки, а признаки. Кстати, не ясно, солидаризируется ли Н.Б. Мечковская, приводя указанную цитату [С. 48], с Р.О. Якобсоном в его предельно обобщенном понимании знака или она согласна с теми, кто считает

намерение передать информацию обязательным условием для знака и такие явления, как произвольный плач, зевота, краска стыда или смущения и т.д., называет «квазизнаками» [С. 47].

Теперь поговорим о языке. Это бесконечно сложное явление человеческого общества безмерно отличается от того, что иногда называют «языком животных». Выдающийся специалист по проблемам человеческой речи Н.И. Жинкин (1893–1979), о котором с большим уважением пишет Н.Б. Мечковская [С. 66], неоднократно говорил студентам о неправомерности выражения «язык животных» и о необходимости его избегать, заменяя термином «средство коммуникации животных». Между тем, словосочетание «язык животных» встречается в книге очень часто. Оно и понятно: по крайней мере, между человеческим языком и «языком» животных меньшая разница, чем между информацией, сообщаемой в разговоре, и покраснением брюшка самца колюшки.

Как известно, определения языка (как, впрочем, и определения информации, о чем мы уже говорили), не существует. Однако Н.Б. Мечковская пытается дать ему определение через ближайший род и видовые отличия: «Ближайший род для понятия “естественный язык” – это “семиотические системы”»; видовые признаки – это те признаки, которыми “естественный язык” отличается от других “семиотических систем” (какими? – *Е.Р.*) – языка животных, языка жестов и мимики, языков искусств, языков программирования и т.д.» [С. 22]. Таким образом, с точки зрения Н.Б. Мечковской (и не только с ее точки зрения), естественный язык – это вид знаковой системы. Но вид должен обладать всеми признаками рода. Конвенция для знаковой системы обязательна. А где же конвенция в языке? Кто и когда договаривался, что *к-о-т* означает домашнее животное семейства кошачьих? Не говоря о том, что для того, чтобы договориться, надо было бы говорить на каком-то другом языке. Кроме того, в знаковой системе должно быть достигнуто взаимно-однозначное соответствие между единицами плана содержания и единицами плана выражения (иначе знаковая система не выполнит свою задачу, что мы показали, рассматривая случай с цветочным горшком на окне). А в естественном языке омонимия и синонимия – это широко распространенные явления. Некоторых лингвистов это справедливо настораживает. Так, Э.В. Кузнецова пишет: «Лексические омонимы – это чисто формальные оппозиции слов, которые, по существу, *противоречат законам построения знаковых систем*» и далее добавляет: «Существование абсолютных синонимов (как и вариантов слов) *противоречит принципам построения знаковых систем*» (курсив мой. – *Е.Р.*) [10].

Итак, несмотря на сверхраспространенность трактовки языка как вида знаковой системы (этой точки зрения придерживается Н.Б. Мечковская), есть лингвисты, которые в этом сомневаются. Так, Л. Ельмслев писал: «...языки не могут описываться как чисто знаковые системы»

[11]. У В.А. Звегинцева читаем: «Хотя язык нередко определяют как систему знаков, мы знаем, что по отношению к языку в целом такое определение неправомерно» [2. С. 185]. Действительно, понятие «язык» не обладает всеми признаками понятия «знаковая система» (свойством конвенциональности, свойством однозначности).

В заключение ответим на вопрос: полезно ли издание книги Н.Б. Мечковской? Безусловно, полезно. Если читатель во всем согласен с автором, то можно с уверенностью сказать, что в книге содержатся общеизвестные истины. Несогласие с автором будит мысль читателя, заставляет его четче сформулировать свою позицию. И если бы не прочтение книги Н.Б. Мечковской, не появилась бы статья, в которой мы попытались (не знаем, насколько удачно) изложить свой взгляд на проблему.

Литература

1. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие. М., 2004.
2. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
3. Портнов А.Н. Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX–XX веков: методологический анализ основных направлений исследования: Автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. Иваново, 1998. С. 47–48.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 58–59.
5. Якушин Б.В. Слово. Понятие. Информация.: Гносеологические вопросы разработки информационных систем. М., 1975. С. 7.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 89.
7. Ручимская Е.М. К вопросу об омонимии на уровне слов и на уровне морфов в естественных языках // Уч. записки РГСУ. 2008. № 3. С. 106–110.
8. Ветров А.А. Семиотика как дедуктивная система // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С. 209.
9. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 147.
10. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие. М., 1982. С. 58, 66.
11. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 305.